

**РАБОТА ПАМЯТИ И ЕЕ КОМПОЗИЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ В РОМАНЕ
Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА «АВИАТОР»
WORK OF MEMORY AND IT'S COMPOSITION FUNCTION IN NOVEL
«AVIATOR» BY E. G. VODOLAZKIN**

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению проблемы воспроизведения сознанием воспоминаний и отражению этой проблемы в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор». Также выявляется роль работы памяти в произведении, акцентируется её композиционная функция. В ходе исследования проблема подвергается анализу в различных аспектах: через понимание истории и времени в художественно-философском мире романа, через непосредственно память и природу воспоминаний человеческого сознания и воскресения героя через текст.

Ключевые слова: память; вспоминающее сознание; сюжетообразующая функция; понимание истории; дневниковые записи.

Abstract: The article is devoted to the consideration of the problem of reproduction of memories by consciousness and its reflection in the novel «Aviator» by E. G. Vodolazkin. Also the role of the work of memory is also revealed and a compositional function is emphasized. During the research, the problem is analyzed in various aspects: through understanding the history and time in the artistic and philosophical world of the novel, through directly the memory and nature of the memories of the human mind and the resurrection of the hero through the text.

Keywords: memory; remembering consciousness; plot-forming function; understanding of history; diary entries.

Как писала К. А. Сундукова в статье, посвященной проблеме отражения работы памяти в литературе: «...память, одна из тех психических способностей, которые открывают человеку пути к переживанию глубоко личного опыта и переосмыслению событий частной жизни или исторических потрясений, в последние десятилетия стала одной из крупнейших проблем гуманитарных наук, рассматривающих воспоминание и забвение в качестве важнейших механизмов функционирования культуры» [4, с. 1056]. Также она замечает, что любой текст можно причислить к формам культурной памяти людей.

Проблема воспроизведения сознанием воспоминаний и отражение его в текстах является актуальной на сегодняшний момент в связи с тем, что современные авторы все чаще воссоздают в своих произведениях отличное от предшественников видение самых важных для человека каждой эпохи элементов – памяти и понимания истории. Подобные мотивы можно встретить

в романах П. Модiano «Ночная трава» и М. Степановой «Памяти памяти», в произведениях З. Прилепина, Д. Быкова, А. Варламова и других.

Отражена эта проблематика и в романе «Авиатор» Е. Г. Водолазкина. Водолазкин пришел в литературу из филологии, он доктор филологических наук, исследователь древнерусской литературы, ученик Д. С. Лихачева. «Авиатор» – это четвертый роман автора. Роман можно рассматривать под разными углами, потому что он – отклик писателя на конкретные явления и проблемы современного мира. Писатель «...выстраивает свою книгу вокруг важнейших нравственных универсалий XX века» [6], будь то вопросы вины, искупления и наказания или воскресения в слове, иной взгляд на историю и действительность и т. п.

Фабульную основу романа составляет рассказ о жизни Иннокентия Платонова, который, став частью жестокого эксперимента, проведенного в Соловках времен Большого террора – заморозки на много лет, – просыпается через семьдесят лет в 1999 году в новом для него мире. Благодаря помощи врача, Гейгера, посоветовавшего герою вести дневник, он постепенно восстанавливается как физически, так и морально. Платонов находит свою прежнюю возлюбленную Анастасию (в отличие от него она прожила эти годы и постарела, он встречается с ней уже умирающей) и знакомится с ее внучкой Настей. И как бы переносит свою любовь к девушке начала XX века на молодую женщину конца XX века. Платонов и Настя женятся. Он осваивается в современной жизни, становится – из-за своей трагической биографии – популярной фигурой, даже снимается в рекламе. С определенного момента читатель и сам герой понимают – что-то идет не так. Иннокентий, видимо, из-за последствий заморозки быстро теряет память. Процесс оказывается необратимым. Платонов, решая, по совету Гейгера, полететь за границу на лечение, отправляется, сам того не зная, в свое последнее путешествие – самолет, в котором он возвращается из Германии, терпит крушение. Однако коротко пересказанная мной фабула в тексте изложена иначе.

Мир героя и его биография как бы творятся, возникают на наших глазах из пустоты беспомыслия. Его становление начинается с дневника – герой пишет ручкой по бумаге, постепенно восстанавливая в памяти обрывки воспоминаний, давно остывшие чувства и самого себя. «Гейгер нажимал на меня в том отношении, что дневник – старинный жанр, а потому для меня органичен. Ведь я, выражаясь по Бунину, “не нонешнего века человек”» [2, с. 189].

Категории памяти и времени в романе «Авиатор» будто сплетаются друг с другом – одна не существует без другой и наоборот. Т. Сохарева в обзоре новой книги Водолазкина для «Афиша Daily» пишет об этой связи так: «...взявшись описывать механизмы памяти, схваченной в момент разложения, Водолазкин нейтрализовал категорию времени как таковую. Недаром его герой утверждает, что ощущает "...двадцатый век как свой целиком, без исключений". Зазор между мощной, сложной и разносторонней фигурой «авиатора» и доставшимся ему временем на поверку оказался всего лишь фальшфасадом» [3]. Не будучи во всем согласной с позицией рецензента (представляется, что нельзя свести сюжет романа к «памяти, схваченной в момент разложения»), выводы Т. Сохаревой относительно времени и истории считаю правильными.

Время в произведении и для героя довольно абстрактно, размыто, так как он мыслит прошлым, но живет в настоящем, пытается с ним смириться и быть в нем полноценным человеком. Неслучайно автор вводит в роман образ Робинзона Крузо, книгу о котором Платонов любил читать в детстве, и проводит параллель между Платоновым и Крузо. Неслучайно и Анастасия, возлюбленная Платонова, пишет: «...родившее его время осталось где-то далеко, может быть, даже ушло навсегда. Он теперь в другом времени – с прежним опытом, прежними привычками, ему нужно либо их забыть, либо воссоздать весь утраченный мир, что очень непросто» [2, с. 33]. Он пытается освоить новые технологии («Весь день пытался печатать на компьютере. Чувствовал себя первопечатником» [2, с. 91]), приравнивается к метро и поведению людей другой эпохи, однако то, что для людей 90-х (например, для Гейгера) – прошлое, для Платонова – его эпоха, его «настоящее».

Мемуарно-дневниковая форма, найденная автором, оказывается удивительно созвучной основной проблематике романа. Первое «знакомство» читателей с Платоновым происходит еще не через дневник – мы вместе с героем чувствуем головную боль, впервые видим Гейгера, ничего еще не осознаем; мир хаотичен, существует лишь как мелькание не связанных друг с другом фраз и картин («Говорил ей: в холода носи шапку, иначе отморозишь уши», «...вспомнился скандал – безобразный, изнурительный. Непонятно, где разыгравшийся», «Кто-то заметил, что часто так бывает на поминках: часа полтора говорят о том, каким покойник был хорошим человеком» [2, с. 8] и т. п.), которые никак не соединятся в одну картинку. Но этот хаос властвует лишь до тех пор, пока не появляется дневник. Далее читатель воспринимает действительность произведения непосредственно через дневник, и, как только Платонов берет в руки карандаш, мир собирается из этих необъяснимых сцен в одно целое; композиция начинает строиться на работе памяти, на воспоминании через текст. «Вчера еще не было времени. А сегодня – понедельник» [2, с. 9], – так пишет герой.

Вторая часть интригует нас тройным дневниковым видением прошлого, настоящего и будущего – за карандаш по просьбе Платонова берутся Настя и Гейгер. Происходит расширение как формы, так и содержания: во второй части Платонов формулирует свое представление о памяти и об истории человека. Вслед за ним в ходе воскрешения воспоминаний «идет», приводится в движение текст, а строительство его приравнивается к строительству мира и строительству – что важно – прошлого. Таким образом, память играет структурно-определяющую, композиционную функцию в «Авиаторе».

В своей работе я предлагаю рассмотрение проблемы памяти в романе «Авиатор» в разных аспектах.

Одним из главных аспектов поставленной проблемы можно считать понимание истории и времени в художественно-философском мире произведения.

Данный аспект строится на том, что важна история частная, личная, но в то же время касающаяся всех. Это не всеобщие значимые и имеющие итоги события, но одномоментные, знакомые каждому явления, случаи, отрезки времени, будь то воспоминания из детства или юности; мысли, которые проно-

сятся в голове людей; выбор, который совершает человек, – всё это – великие события, единственно стоящие упоминания.

История – в малом, мельчайшем, что оказывает порой большее влияние на жизнь, чем «гремящие» события истории. Иннокентий Платонов на вопрос интервьюера «В чем вы видите разницу между тем временем и этим?» отвечает просто: «...тогда даже звуки были другие – обычные уличные звуки. Цоканье копыт совсем ушло из жизни, а если взять моторы, то и они по-другому звучали. Тогда – одиночные выстрелы выхлопных газов, сейчас – общее урчание. Клаксоны опять же другие. Да, важную вещь забыл: никто нынче не кричит. А раньше старьевщики кричали, лудильщики, молочницы. Звуки очень изменились...» [2, с. 136] Такая позиция близка как герою, так и писателю. Водолазкин в одном из интервью вспоминает, что на подобные размышления его натолкнул Д. С. Лихачев, который сказал как-то, что ему жаль, что «...никто больше не помнит, как кричали финские молочницы на Охте, что ни одна живая душа не помнит, как чинили торцовую мостовую» [1].

Проблема людей, по мнению героя, в том, что этот пласт событий чаще всего проходит незамеченным, именно он формирует личность и характер, учит делать выбор и вообще – жить. Конечно, некое «общее» играет свою, отнюдь не последнюю, роль в становлении человека, потому что всегда есть то, что объединяет всех, оказывается, это и есть самое обыденное и простое – запахи, манера выражаться, двигаться. «Да, у каждого человека свои особенные воспоминания, но есть ведь вещи, которые переживаются и вспоминаются одинаково. Политика, история, литература – они воспринимаются, да, по-разному. Но шум дождя, ночной шелест листьев – и миллион других вещей – всё это нас объединяет» [2, с. 294].

Помимо прочего, время и история существуют словно отделенными от нас, но в то же время неразрывно связаны с жизнями людей. Без них мы не представляем из себя ничего ценного. Однако время не может идти без людей, ведь именно люди – его носители.

Водолазкин часто в своих произведениях обращается к древнерусской литературе. В «Авиаторе» герой рассуждает о том, что в летописных текстах освещались только самые важные события, передавалась «большая» история, но были в этих текстах небольшие по объему абзацы, освещающие весь год, в который будто ничего не происходило «серьезного», важного. Но на самом деле, даже само это упоминание «пустых» лет – отражение вечности, непрерывности времени. «А в год такой-то – "не бысть ничтоже". Такие годы называются пустыми. Годы, в которые не было ничего. Я сначала ломал голову – зачем о таких годах упоминать? Потом понял: эти люди боялись потерять даже небольшую частицу времени. Те, кто жили вечностью, особо ценили время. И даже не столько время, сколько его непрерывность, отсутствие дыр. Думали, может быть, что настоящая вечность только и наступает, что после внимательно прожитого времени» [2, с. 328].

Таким образом, в данном аспекте частное сопоставляется с общим, причем первое стоит для писателя гораздо выше, нежели второе. Также внешнее противопоставляется внутреннему: побои в лагере, по мнению Платонова, не мог-

ли его сформировать, потому что важнее были совсем другие вещи. Лагерная жестокость превращала человека в подобие вещи, в объект – внешнее проявление себя. А запах вскипевшего самовара или стрекотание кузнечика делают человека субъектом, откликаются во внутренней его ипостаси.

Помимо всего вышесказанного, важно обратиться к представлению писателя о памяти и природе воспоминаний в человеческом сознании.

Память в концепции Водолазкина играет одну из определяющих ролей и в понимании истории, и в понимании самого себя в мире и истории. «Всё думаю о природе воспоминаний. Неужели то, что хранит моя память, – это всего лишь комбинация нейронов в голове? Запах рождественской елки, стеклянный перезвон гирлянд на сквозняке – это нейроны? Треск бумажных полосок на оконной раме, когда ее открывают в апреле и квартира заполняется весенним воздухом. Заполняется негромкой беседой с улицы. Вечерним стуком каблучков по тротуару, гудением ночных насекомых в плафоне лампы» [2, с. 79], – но в ответ на эти сомнения героя Володолазкин всем художественным миром романа говорит: память представляет собой не чисто биологическое или механистическое явление, а, скорее, то, что объединяет всех не только в глобальном, но и в мельчайшем; то, что выше истории. Платонов, теряя память из-за длительного нахождения в заморозке или по каким-либо другим причинам (то есть тогда, когда те самые «нейронные связи» перестают работать), постепенно забывает всё то, что относится к близкому ему времени – что ел на завтрак, куда положил книгу, что было неделю назад, но отлично помнит, воспроизводит события прошлого столетия в деталях, так ему необходимых.

Стоит еще остановиться на том, что в «Авиаторе» мотив писания дневника, воскресения героя через текст является основой сюжетообразующей функции.

Записи в дневнике для Платонова поначалу являются процедурой лечения амнезии: «Я сказал ему, что эти записи делают меня кем-то особенным, подопытным. Какой-то прямо-таки крысой, в то время как мне следует сливаться с новой жизнью...» [2, с. 189]. Дальнейшие мысли героя о Лазаре («Зачем Бог воскресил Лазаря? Может быть, Лазарь понял что-то такое, что понять можно было, только умерев? И это понимание повлекло его опять на землю. Точнее, ему была дана милость вернуться» [2, с. 324]) и постепенное воскресение самого себя и возвращение памяти через текст ведут к тому, что человек находит себя в нем, продолжается в написанном ручкой на бумаге: «...на бумаге всё крепче, надежнее. Устные рассказы, знаешь ли, размываются в памяти, а то, что написано, – не меняется. И, что важно, это можно перечитывать» [2, с. 291].

Благодаря письму картинка-воспоминания не только оживают, но передаются и другим. Понимание этого продолжается в идее Платонова просить близких, Настю и Гейгера, также писать в дневники все, что с ними и со всеми людьми происходит каждый день. По словам Г. Юзефович, «Этот дневник (постепенно, ко второй части романа, из сольного он станет полифоничным – с голосом Платонова сольются голоса его жены и Гейгера) и составляет, собственно, текстуальную ткань романа, живую и теплую» [6].

Главный герой пишет, в том числе, для своей дочери, которая, как он предполагает, родится уже после его смерти. Он сам будет жить благодаря тому, как отзовутся его воспоминания в дочери, как его память восстановится в ней, будет жить. Можно сказать, что у Платонова два «продолжения» – дитя и дневник.

Таким образом, герой консервирует, «...сохраняет мир в слове» (Г. Юзефович) для самого себя, для дочери и для всего человечества, явления жизни которого он тщательно и подробно описывает в дневниках.

Исходя из вышесказанного, можно сделать несколько выводов.

Помимо рассмотрения Платоновым современных событий под углом прошедшего, он также формирует на протяжении всего романа свое понимание исторического.

Немаловажно, что работа памяти и ее связь со временем в романе организует структуру текста на всех уровнях: герой воссоздает прошлое, автор, фиксируя работу памяти героя, создает художественный мир романа.

В романе «Авиатор» актуализируется несколько важных мотивов, но большее внимание отводится раскрытию автором его представлений о соотношении «малой» и «большой» истории, частного и общего, внешнего и внутреннего в человеке.

В работе проблема памяти в романе рассматривается в нескольких аспектах:

- 1) через понимание истории и времени в художественно-философском мире произведения;
- 2) через внимание к памяти, природе воспоминаний человеческим сознанием;
- 3) через наделение дневниковых записей сюжетобразующей функцией.

Время, история, воспоминания, дневники в произведении переплетаются и связываются друг с другом. Понимание истории невозможно без отражения той или иной общей действительности, восприятия событий и пространства и т. п. Герой проникается этим через дневниковые записи; вновь перерабатывая пройденный этап жизни, вспоминая опыт и проживая его снова.

Исследователь К. А. Сундукова писала о романах, связанных с темой памяти: «На всех уровнях организации художественного произведения: тематическом, мотивном, сюжетно-композиционном, на уровне усложнения отношений между фабулой и сюжетом, временем излагаемого и временем повествования, в усложненных отношениях автора и героя – происходит моделирование работы вспоминающего сознания, которое и подвергается авторской рефлексии. В каждом конкретном случае осуществление рефлексии над процессом воспоминания в поэтике художественного текста происходит по-своему, но авторское понимание памяти будет накладывать свой отпечаток на все аспекты художественной формы» [4, с. 1058].

«Можно заключить, что Водолазкин работает в русле общей для очень многих писателей – в частности, А. Варламова, З. Прилепина, М. Степновой, П. Модиано и др. – обращенности к проблеме работы памяти, ее функционирования».

Закончить хочу словами, которые другой современный писатель, Михаил Шишкин, сделал эпиграфом к роману «Венерин волос». Это слова из апокрифа «Откровение Варуха, сына Нерии»: «Ибо словом был создан мир, и словом воскреснем» [5, с. 6]. Эти слова могут быть отнесены ко многим ярким текстам современной литературы, связанным с проблемой памяти.

Библиографический список

1. Визель, М. Евгений Водолазкин. «Авиатор» / М. Визель. – М. : АСТ, 2016. – <https://godliterature.ru/public-post/aviator-vodolazkin-intervyu> (дата обращения: 18.03.20).
2. Водолазкин, Е. Г. Авиатор / Е. Г. Водолазкин. – М. : АСТ, 2016. – 350 с.
3. Сохарева, Т. Татьяна Сохарева об «Авиаторе» Евгения Водолазкина / Т. Сохарева. – М. : АСТ, 2016. – <https://daily.afisha.ru/brain/3625-tatyana-sohareva-ob-aviatore-evgeniya-vodolazkina/> (дата обращения: 14.03. 20).
4. Сундукова, К. А. Поэтика и поэтология памяти: проблема отражения вспоминающего сознания в художественном тексте / К. А. Сундукова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2013. – Т. 15, № 2(4). – С. 1056–1059.
5. Шишкин, М. П. Венерин волос / М. П. Шишкин. – М. : АСТ, 2014. – 510 с.
6. Юзефович, Г. Л. «Авиатор» Евгения Водолазкина и еще пять книг о человеке и времени / Г. Л. Юзефович // Медуза. – 2016. – <https://meduza.io/feature/2016/04/01/aviator-evgeniya-vodolazkina> (дата обращения: 14.03.20).